

ЭФФЕКТИВНОСТЬ УНИВЕРСИТЕТА

А.М. РУТКЕВИЧ

Норма отдачи высшего образования

Экономическую эффективность полученного образования обычно увязывают с ростом доходов индивида в зависимости от обретения им образования с учетом понесенных расходов. В теории «человеческого капитала» вложения в высшее образование сопоставляются с приростом доходов: пожизненные заработки имеющего только среднее образование сравниваются с пожизненными заработками лица, получившего высшее образование. Разность заработков – за вычетом стоимости приобретения высшего образования – есть результат инвестиций в образование. Это соотношение иногда называют нормой отдачи высшего образования. В более широком смысле дополнительный рост или спад производства в национальной экономике ставится в зависимость от «инвестиций в человека».

Высшее образование не является «чистым общественным благом», а потому такой подход к системе образования вполне уместен. В США, где почти вся система высшего образования является платной, где практически отсутствуют «вечные студенты» и прочие «безбилетники» (за исключением спортсменов и принятых по «квотам»), экономическую эффективность высшего образования сравнительно легко подсчитать. Норма отдачи там примерно 1.5 : 1, т.е. выпускники университетов и четырехлетних колледжей на протяжении жизни получают в полтора раза больше тех, кто имеет лишь среднее образование.

Уже в Западной Европе с ее системой бюджетного финансирования высшего образования картина оказывается иной. Скажем, в Германии средний студент учится в университете около 10 лет, а расходы за это несут те, кто после средней школы отправился работать и платит налоги, идущие в том числе и на высшее образование. Конечно, выпускники университета получают, в среднем, более высокую зарплату, чем выпускники *Hauptschule* или *Realschule*, но не они сами (не их родители) оплачивали это длившееся 21 – 22 семестра образование. Велико число тех, кто начинает учебу в университете и учится несколько лет, затем его покидает; значительна и доля «безбилетников», которые вообще не в состоянии освоить сколько-нибудь серьезную программу. Непропорционально большое количество студентов обучается

гуманитарным наукам: даже если они успешно завершают учебу, по специальности они чаще всего не работают и пополняют низшие слои «офисного планктона». В любом случае, при подсчете эффективности трудно определить вычитаемую сумму потраченных на образование средств — оно было оплачено государством, т.е. всеми налогоплательщиками.

Еще труднее эта норма подсчитывается применительно к нынешней России с ее раздутой системой высшего образования, низким его качеством и нищенскими зарплатами врачей, школьных учителей, ученых, университетских преподавателей и прочих бюджетников. Даже в США такие подсчеты нормы отдачи высшего образования имеют один существенный недостаток. Высшее образование имеет и преуспевающий бизнесмен, и получающий высокие гонорары адвокат или врач, но огромное число тех же школьных учителей имеют доходы, которые уступают не только людям, закончившим двухлетний community college, но и большинству квалифицированных рабочих. Преуспевание нескольких процентов людей с высшим образованием ведет к значительному росту средней величины пожизненных заработков всей этой страты.

В сегодняшней России средний класс незначителен, а лица с высшим образованием в большинстве своем не принадлежат и к низшему среднему классу. То, что, в среднем, получившие высшее образование имеют лучшие жизненные шансы, не вызывает никаких сомнений, но подсчеты экономической эффективности следовало бы проводить с более четкой дифференциацией социальных и профессиональных групп.

Эта теория экономической эффективности соотносится с теорией «рационального выбора», которая, в свою очередь, опирается на определенное понимание мотивов человеческой деятельности. Молодые люди поступают в университеты на основании побудительных мотивов, к которым, разумеется, принадлежат и экономические. Древнейшая теория мотивации («кнута и пряника») по-прежнему играет немалую роль в общественной жизни. Значительное число сегодняшних студентов мотивированы более высокой зарплатой по окончании вуза, возможностями самореализации, предпочтительностью умственного, а не физического труда, отсрочкой от службы в армии и т.д. Если бихевиористы по-прежнему сводят человеческие мотивы к схеме «стимул — реакция» (и подчеркивают роль «пряника» в выборе профессии), то в современной когнитивной психологии была разработана так называемая теория ожиданий. Эффективная мотивация молодых

учащихся не сводится к перспективе более высокой зарплаты. Если человеческое поведение мотивируется в основном сознательными ожиданиями, а не реакцией на стимулы, то в университеты будут не только поступать на факультеты экономики и права, но станут учиться и астрономии.

Доныне популярная теория потребностей А. Маслоу выстраивает иерархию, в которой социальные потребности и потребность в самовыражении возвышаются над материальными стимулами. В таком случае становится понятным, что стремление стать актером связано не только с высокими доходами небольшого числа «звезд», а некоторое число абитуриентов экономического факультета мотивированы не столько желанием хорошо зарабатывать, сколько стремлением к познанию окружающего мира. Хотя западных ученых, в отличие от ученых сегодняшней России, не обрекают на нищету, заработки их в среднем уступают заработкам лиц со сходным уровнем образования и интеллектом, которые избирают бизнес. Даже Нобелевская премия, которую получают лучшие из лучших, не так уж велика, если сопоставить ее с бонусами управляющих банками. Эта премия примерно равна двухмесячной зарплате топ-менеджера крупной корпорации. Математиками, священнослужителями, архитекторами, журналистами, следователями или актерами театра чаще всего становятся не для того, чтобы получать более высокую зарплату, чем у лиц со средним образованием. Иногда это подразумевается, но в каждом отдельном случае это совсем не очевидно, поскольку в условиях рыночной экономики зарплаты колеблются в довольно широком диапазоне. А потому мы получаем в итоге либо банальность («экономически выгоднее иметь более высокое образование»), либо довольно сомнительные расчеты. Именно поэтому часто встречаются ссылки на то, что высшее образование способствует здоровому образу жизни, долголетию, более насыщенному психологическому опыту и т.п. Но такого рода «эффективность» лежит за пределами экономической науки.

Социальная эффективность

Для понимания различий в зарплате между выпускниками вузов и теми, кто в них не учился, следовало бы обратиться скорее к социологии. Высшее образование сегодня является массовым, почти все имеющие сносное среднее образование поступают в университеты. Западное общество является «обществом двух третей»: к низшим слоям относятся прежде всего дети иммигран-

тов, расовых меньшинств, всякого рода маргиналов. Именно они чаще всего проваливаются еще на уровне начальной школы.

Я возьму в качестве примера ситуацию во Франции и процитирую французского философа, Люка Ферри, который побывал в должности министра образования этой страны: «Действительно, цифры, опубликованные Министерством образования, вызывают беспокойство: если коротко, из них следует, что при поступлении в коллеж (т.е. в 6-й класс) около 10% учащихся не обладают навыками чтения и письма. Более того, кроме этих 10%, еще 35% едва или с трудом владеют ими: т.е. они умеют читать и писать, но это занятие для них столь затруднительно, что они не вполне постигают смысл предложенных текстов. То есть им фактически недоступна письменная культура»¹. Хотя часть этих детей в дальнейшем овладевает этими навыками, в большинстве своем они не могут освоить сколько-нибудь сложные профессии. Как и в условиях капитализма XIX в., они выходят на рынок, продавая свою *рабочую силу*, тогда как получившие образование и серьезную профессиональную подготовку, предлагают свой *труд*. К этим низкоквалифицированным работникам доньше применимы слова Адама Фергюсона: «Есть много умений, для овладения которыми не требуется вовсе никаких способностей; лучше всего они удаются при полном подавлении чувств и разума... Размышление и фантазия могут привести к заблуждению; навык же двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Соответственно, наибольшего процветания производители достигают там, где производство требует минимального участия ума и где не требуется большого воображения, чтобы представить мастерскую в виде машины, а людей — в виде ее частей»².

Мы живем в мире специалистов, но специализация совсем не обязательно предполагает механизацию человеческой деятельности. Х. Арендт тонко разграничивает понятия специализации и разделения труда. «Специализация в процессах создания ориентируется по существу на создаваемый предмет, для изготовления которого требуется более чем одно умение, так что дело тут всегда идет об объединении и организации определенных профессий, могущих быть совершенно разными, но слаженных друг с другом и кооперирующих между собой. Разделение труда, наоборот, покоится на том, что каждая из раздельных работ качественно равнозначна и потому ни для какой из них особых умений не требуется: сама по себе ни одна из этих раздельных работ ничего не производит, каждая соответствует лишь кванту рабочей силы, вместе с другими квантами образующей общую сумму»³. Каждо-

му ремеслу нужно довольно долго учиться, для выполнения же стереотипных операций такая учеба не нужна.

Всем тем, кто способен выучиться сложной профессии, предстоит набираться знаний после школы. Естественно, они будут получать (в среднем) более высокую зарплату. Между ними существует конкуренция, равно как есть конкуренция между университетами, колледжами, бизнес-школами и т.п. учреждениями. Едва умеющие читать для них не конкуренты. Элиты воспроизводят себя в престижных университетах, пополняющие средний класс специалисты учатся в массовых университетах, а потом занимают места с более высокой оплатой труда, чем остающиеся внизу выходцы из низших слоев. Разумеется, в условиях демократии элиты обновляются («свежая кровь»), некоторому числу талантливых и энергичных удастся проделать «путь наверх». Но социальная структура остается прежней.

Любопытно, что в СССР к 1970-м годам сложилась сходная система — высшее образование получали дети и внуки тех, кто пробился наверх и получил диплом в 1930 — 50-е гг. Речи о «демократизации высшего образования» произносят чаще всего не представители малограмотных низов (скажем, профсоюзные лидеры), а недовольные представители среднего класса, сетующие на то, что места в престижных университетах чуть ли не по наследству получают дети из upper middle class и элиты.

Об экономической эффективности системы высшего образования говорится и в совсем другом смысле: при бюджетном финансировании деньги налогоплательщиков могут тратиться более или менее рационально. Общество нуждается в подготовленных учителях, инженерах, агрономах, офицерах, чиновниках и т.д. Можно запланировать примерное число бюджетных мест для студентов по разным профессиям и контролировать работу вузов, выпускающих будущих специалистов. Эта система нам хорошо знакома, она неплохо работала в период индустриализации и вообще рациональна в условиях, когда высшее образование еще не является массовым. Принудительная система распределения выпускников вузов является неизбежным следствием такой плановой системы. Уже это делает ее малопригодной для современного общества с рыночной экономикой. Как распределять инженеров или программистов по фирмам и корпорациям? Она практически неприменима и потому, что высшее образование сделалось массовым.

Разумеется, государство должно внимательно следить за расходованием бюджетных средств — они не должны разворовываться,

тратиться впустую на псевдообразование. В сегодняшней России, к сожалению, те не слишком значительные средства, которые тратятся на высшее образование — и разворовываются, и «размазываются» ровным слоем по 3500 вузам и филиалам, причем половина этих вузов (и три четверти филиалов) не дают почти никаких знаний студентам, зато выдают «диплом государственного образца» и дают отсрочку от армейской службы. Необходимость государственного контроля, однако, совсем не означает того, что государство «знает», в каком количестве обществу нужны архитекторы, врачи или физики-теоретики. Некоторые его ведомства могут указывать на примерное число мест (врачи, учителя, чиновники, офицеры армии или полиции), но государство не в состоянии определить нужду общества в специалистах самого разного профиля. Не только в России, но и во всех европейских странах около половины выпускников вузов никогда не работали и не будут работать по полученной специальности. Эффективность в этом смысле сводится тогда к контролю за качеством образования в государственных и частных вузах.

Естественно, об экономической эффективности высшего образования можно говорить в связи с научными исследованиями и разработками, участием студентов и аспирантов в работе лабораторий. Возникающие вокруг некоторых американских университетов сети небольших фирм весьма продуктивны, но речь в таком случае идет об эффективности не образования как такового, а научного поиска и его технологических применений.

Полезность университета

Все сказанное выше применимо к любому вузу, тогда как у нас речь идет об эффективности университета. Если все же не относиться к университетам все те странные отечественные учреждения, выдающие «дипломы государственного образца» (а заодно и предоставляющие отсрочку от службы в армии), а также бывшие инженерные и педагогические вузы, сделавшиеся «университетами», чтобы открыть факультеты экономики и права, то оставшиеся после такого вычитания высшие учебные заведения будут более или менее сопоставимы с западными университетами. Может показаться странным то, что выпускники этих университетов (разумеется, в среднем) не так уж плохо устраиваются после окончания вуза, хотя отсутствует какой бы то ни было спрос на ученых физиков или историков и они не работают по полученной специальности, но, в отличие от выпускников какого-нибудь «университета сервиса», их всерьез обучали и побуждали учиться.

В позапрошлом веке выпускники Оксфорда и Кембриджа отправлялись служить в колонии с прекрасным знанием латыни и древнегреческого, не имея при этом ни малейшего представления об Индии или Египте. В отличие от профессиональных школ, университет дает знания и умения, позволяющие быстро научиться другой профессии, поменять сферу деятельности. Университет готовит не только к работе по узкой специальности, но и вообще к разумной жизни, причем совсем не обязательно жизни ученого. Во все времена среди университетских выпускников преобладали «практики», а не «теоретики» — врач, юрист, школьный учитель, управляющий банком, чиновник, программист учатся разным наукам, но учеными никак не являются. Конечно, к задачам университета относится воспроизводство цеха ученых, но среди его выпускников они всегда будут меньшинством.

Университет возникает в Средние века как соединение ранее существовавших профессиональных школ (медицина, право, теология) с гуманитарным колледжем, наследником философских школ Античности. До сегодняшнего дня в лучших университетах США базовое образование в первые годы предполагает изучение целого ряда предметов, не имеющих прямого отношения к будущей профессиональной деятельности. Бакалавр в Гарварде или Стэнфорде проходит курсы *Great Curricula Book* и *Contemporary Civilization*, изучает историю искусства, знакомится с азами математики и естествознания, даже если он планирует стать нотариусом или адвокатом. Привилегией университета с момента его возникновения является то, что только он дает степени бакалавра (лиценциата), магистра и доктора. На языке современных управленческих теорий, знания относятся к «нематериальным привилегиям», т.е. преимуществам и льготам, необходимым для того, чтобы выстраивать свои отношения с другими людьми. Обучение в бакалавриате Гарварда не случайно в несколько раз дороже, чем в четырехлетнем колледже, дающем неплохую профессиональную подготовку. Читавший вместе с другими студентами Данте и Достоевского во время прохождения *Great Curricula Book* получает знания и умения, необходимые для будущих господ, тогда как выпускник четырехлетнего юридического колледжа практически обречен на то, чтобы остаться слугой, исполнителем.

С XIX в. университеты Европы находились под патронажем национальных государств и ставили перед собой задачу воспроизводства национальной элиты. Эти задачи ставятся и сегодня. Конечно, наряду с государством, сегодня значительную роль

в финансировании университетов играют корпорации, растет конкуренция между университетами. Но говорить о том, что сегодняшний университет обособился от национального государства и служит ТНК, сделавшись одной из капиталистических корпораций, еще преждевременно. Рассуждения апологетов «глобализации» и их левых оппонентов по поводу университета чаще всего беспредметны⁴. Основные средства на научные исследования университеты по-прежнему получают от государства, конкуренция между университетами является составной частью конкуренции между нациями.

Но такая вполне правомерная цель оказывается пагубной для университета, если становится единственным его назначением. Как писал Т. Элиот, «ни один университет не должен быть лишь национальным институтом, даже если нация его поддерживает. У университетов Европы должны быть свои общие идеалы и свои обязательства перед друг другом. Они должны быть независимы от правительства стран, в которых расположены. Они не должны быть учебными заведениями для натаскивания квалифицированных бюрократов или для подготовки ученых, стремящихся превзойти своих иностранных коллег; они должны стоять на страже сохранения знаний, поиска истины и, насколько это по-человечески возможно, достижения мудрости»⁵. В университете воспроизводится традиция, которая не сводится ни к научным исследованиям, ни к полезным навыкам, способствующим карьере в общественной жизни. Речь идет о воспитании индивидов в соответствии с теми идеалами, которые уже две с половиной тысячи лет существуют в Европе.

Создавать людей

Русское слово «образование» включает в себя два значения, которые разграничиваются в английском языке: «education» отличается от «training». Подготовка специалистов с навыками работы в химической лаборатории, банке или в диспетчерской аэропорта относится к «training», умение читать сложные тексты, судить об истории своего отечества или о проблемах экологии в большом городе — к «education». Это не отменяет того, что имеются профессионалы — химики, агрономы, экологи, но гражданин современного демократического государства должен иметь развитую способность суждения по ряду вопросов, выходящих за пределы его узкой специальности. В России в этом значении используется слово «воспитание», но оно несет на себе груз идеологических представлений о принудительном

«вращивании» индивидов с заранее заданным набором идей по ходу университетского курса. В Западной Европе и в США сохранилась традиция «liberal arts», но в Европе более основательное среднее образование (гимназия, лицей, «A-level» Великобритании) в значительной степени освобождает университет от необходимости давать «education» наряду с «training».

В США на уровне «undergraduate» огромное внимание уделяется именно «education». Его задачи формулируются по-разному. На первом месте стоит «общая культура», но в условиях, когда будущему специалисту придется не раз доучиваться (а то и переучиваться) на протяжении профессиональной карьеры, к «education» относится развитие навыков самостоятельного критического мышления. Наконец, присутствует и элемент того, что мы называем воспитанием. Приведу характерную формулировку задач такого «общего образования»: «Education prepares a student not for defined career as a member of a defined group, but for a whole life as a responsible, self-conscious, and informed member of a whole society (образование готовит студента не для определенной карьеры, не как члена определенной группы, оно готовит его для целой жизни — как человека ответственного, наделенного самосознанием, как информированного члена целостного общества)»⁶.

В самой лапидарной формулировке задача «education» была сформулирована давно: «making men». Она соответствует европейской традиции, начинающейся с греческой Пайдеи. Если мы желаем жить в «хорошем обществе» среди цивилизованных людей, наделенных хорошим вкусом и ясными этическими принципами, то любой профессиональной подготовке должно предшествовать «general education». Высшая школа предполагает развитие не только интеллекта, но и целого ряда добродетелей. Это не означает, что университет должен стать неким подобием монастыря — к добродетелям относятся и вежливость, и терпимость. В действительности, сама эффективность есть добродетель. Эффективной следует именовать ту систему образования, которая созидает эффективных людей.

Благоразумие индивида

Эффективность процесса (операции, проекта) означает его результативность, определяемую как отношение результата к затратам, обеспечившим его получение. Мы говорим об эффективности технологии, инвестиций, рекламы, лечения, стиля руководства и т.п. Речь здесь идет о подборе средств для достижения

цели, о «целерациональности» в том смысле, в каком это слово употреблял М. Вебер. Результат же оценивается как успешный или неуспешный для субъекта действия. Эффективность тем самым сводится к полезности. Система образования полезна, если производит необходимое количество специалистов для других систем общества. Ее эффективность измеряется отношением полученного результата к расходам.

Сведение эффективности к экономической рациональности препятствует пониманию проблем, стоящих перед развитыми постиндустриальными обществами. Уже рассмотрение простейшего акта трудовой деятельности показывает, что хорошо выполненная работа не сводится к целерациональности. Это хорошо показал Т. Котарбинский. Чтобы быть эффективной, деятельность должна быть результативной, плодотворной, т.е. достигать поставленной цели. Основным критерием успешности является целесообразность деятельности, а потому мы должны считаться со всеми внешними обстоятельствами и средствами решения проблем.

Однако рациональность действия предъявляет требования к разумности индивида. От него требуется благоразумие в оценке собственных возможностей, своих знаний относительно внешних обстоятельств. Деятельность должна быть адекватной (скажем, соответствовать уже имеющимся образцам или нормам); она должна быть «надежной», т.е. считаться с тем, что сам индивид полагает истинным (или хотя бы правдоподобным), она должна проводиться последовательно. Чтобы быть эффективным в современном мире, приходится все дольше учиться, все больше запоминать, но в то же самое время высвобождаться из-под бремени устаревших знаний и навыков. Однако благоразумие ничуть не менее важно, чем специализированные «skills» — умения и навыки владения инструментами. Требования к интеллектуальному «оснащению» действий возрастают вместе с усложнением орудий и социума, причем все бóльшие требования предъявляются именно к благоразумию. Известно, что оператор Чернобыльской АЭС пошел на неоправданный риск при решении технической задачи.

В древности передача знаний и умений по традиции предполагала долгую и тщательную «шлифовку» всех навыков. В китайском трактате по ушу можно прочесть слова, которые подходят и к другим умениям, будь то каллиграфия, поэзия или ремесло: «Долго тренируясь, приобретаешь опыт, с опытом появляется сноровка, из сноровки рождается мастерство, мастерство ведет к сокровенным тайнам». Сегодня выпускник школы или университета получает на-

бор технических умений, теоретическую «оснастку» разнообразных «skills», должен не раз проходить переподготовку на протяжении своей трудовой деятельности. Но чаще всего он не умеет критически осмысливать адекватность и надежность этого инструментария. Ему не хватает именно благоразумия и воздержности, двух «кардинальных добродетелей» Античности и Средневековья.

Добродетель эффективности

Эллины называли эти добродетели «sophrosyne» или «phronesis». Говоря о «воздержности», они имели в виду не столько аскезу, сколько «самообладание», «пребывание в собственной власти», умеренность, внутреннюю гармонию. Речь для эллинов шла не обязательно о преодолении аффектов: самообладание «нельзя понимать чисто негативно как усечение или подавление природного начала, как если бы естественное было исключительно злым. Самообладание – внутреннее формирование и организация всего естественного в человеке, всех темных сил, что он в себе обнаруживает и что противостоит сознанию, поднимаясь из глубинных пластов подсознательного... Всякое подлинное долженствование позитивно. Оно требует не разрушения, но созидания, творения чего-то более высокого из более низкого.... Негативный аспект самообладания направлен исключительно против чрезмерности, дисбаланса, самораздвоения»⁷. Это – добродетель внутренней меры, упорядоченности, сознательной дисциплины (в отличие от внешней дрессировки). Она предполагает и эффективное использование внешних средств, но всякий раз соотносит их с собственными возможностями и рисками.

В этом отношении эта добродетель граничит со «здравым смыслом», реализмом действующего человека, которые относимы уже к «phronesis». Эта «практическая мудрость» отличается от истинной мудрости, «Sophia», которая направлена на постижение «дел божеских и человеческих», тогда как «phronesis» есть «знание того, к чему надо стремиться, и того, чего надо избегать»⁸. Добрые намерения без благоразумия могут вести к самым плачевным результатам. Для Аристотеля благоразумие позволяет нам правильно различать доброе и злое в наличной ситуации, правильно на нее реагировать. От здравого смысла как такового ее отличает добрая воля. Фома Аквинский считал, что именно эта кардинальная добродетель ведет три других (справедливость, мужество и воздержность), поскольку без благоразумия все они слепы, но и само благоразумие без них пусто по содержанию. Иначе говоря, все

прочие добродетели, включая куда более высокие, бездейственны без благоразумия. Даже истинная мудрость (*sophia, sapientia*) без благоразумия обращается в собственную противоположность. Цицерон определял «*prudentia*» как добродетель «риска и решения». Он писал о том, что благоразумие помогает нам избегать двух ошибок: принимать непознанное за познанное и опрометчиво с этим соглашаться; прилагать слишком большое старание в познании темных и трудных предметов, далеких от наших нужд⁹.

Речь идет именно о практической мудрости, дальновидности, направляющей наши дела. Эта добродетель «включается» (или нет) при любой нашей осмысленной деятельности, она удерживает нас от действий, способных принести зло. Дальновидность предполагает осторожность действия. Лишенный этой добродетели пилот не только опасен для других и себя самого; он заслуживает и морального осуждения. Садящийся пьяным за руль автомобилист рискует не только своей жизнью. Но лишен благоразумия и тот, кто берется за дело, не рассмотрев возможные последствия, поленившись в познании предмета действия. Эта добродетель затрагивает все сферы, в которых мы взаимодействуем с другими людьми. «Неблагоразумный отец может любить своих детей и желать им счастья. Но кое-что отсутствует в его добродетели отцовства, да и в его любви. Если случится драма, которой можно было бы избежать, то он, не будучи ответственным за нее в абсолютном смысле, все же не может считаться невиновным»¹⁰. Примеров такого неблагоразумия в личных и общественных делах можно найти сколько угодно. Без благоразумия нет ни «царя в голове», ни порядка в делах, ни сносно устроенного общества. Эффективными являются благоразумные действия — они являются не только «целерациональными», но и «ценностно-рациональными».

Эффективность соотносится и с третьей кардинальной добродетелью, с мужеством, без которого не осуществляются никакие крупные начинания. Решимость необходима практически во всех делах, включая и учебу. Эти три добродетели непосредственно затрагивают и сам процесс образования. При господстве аффектов над разумом никакая учеба невозможна, без благоразумия мы не соотносим знания с практическими задачами, неверно оцениваем собственные возможности, испытываем затруднения в объективной оценке ситуации, не учимся сами ставить вопросы. Опытным мы считаем не того работника, который просто долгое время решал типичные задачи, но того, кто осмыслял этот опыт, ставил вопросы и искал ответы. Непонимание тоже может быть

плодотворным, если мы осознаем собственное незнание и желаем его превозмочь. Как заметил однажды Антонио Мачадо, «никогда не похваляйтесь самообразованием... ибо лишь весьма немногое вы сможете изучить без посторонней помощи. Но не забывайте, однако, что это немногое весьма существенно и что к тому же этому немногому вас никто не научит»¹¹. Формирование такого самостоятельно задающего вопросы субъекта является важнейшей составляющей образования. Тот, кто экономит на «непрактичных» предметах, развивающих личность учащегося, получает, в лучшем случае, простого исполнителя.

Деятельными и успешными являются индивиды, таковыми они становятся отчасти в силу природных качеств, но главным образом в силу воспитания и образования. Это хорошо понимали и обсуждали уже в Античности. «Я знаю, что было много людей выдающихся душевных качеств и доблести, — писал Цицерон, — что они сами по себе, в силу своих прирожденных как бы божественных свойств, были воздержны и строги. Я даже добавлю: природные качества без образования вели к славе чаще, чем образование без природных качеств. Но я все-таки настаиваю, что всякий раз, когда к выдающимся блестящим природным качествам присоединяется некое разумное начало и просвещение, получаемое от науки, обычно возникает нечто превосходное и замечательное»¹². Заслуживает внимания то, что отказ от долгой европейской традиции «свободного образования» (*liberal arts*) быстрее всего происходит сегодня именно в тех странах, которые считаются оплотами политического либерализма.

Эффективность вообще не сводится к экономико-технической целерациональности, а в случае образования это очевидно. Любая вменяемая экономическая теория признает, что есть области, в которых «провалы рынка» неизбежны. Конечно, в любом обществе нужно уметь считать деньги, а в случае немалых бюджетных средств необходимо еще и внимательно смотреть за тем, кто и как их тратит. То, что в системе образования вполне уместна конкуренция (образование не есть «чистое общественное благо»), что возможны меры по либерализации, усилению роли рыночных механизмов (скажем, использования ваучеров на образование и т.п.), не отменяет того, что стабильное общество требует стабильных институтов, а школа относится к тем из них, которые чрезвычайно важны просто для выживания сообществ. Неолиберализм (или неоконсерватизм — грань между ними весьма условна), полагающий, что регулируемые государством институты представляют собой просто придатки к нерегулируемому рынку, представлял бы

собой забавную утопию, не будь у него мощной поддержки со стороны финансовых кругов. Ограничение рынка, конечно, может сказаться на уменьшении доходов некоторых привилегированных групп. Быть может, хотя это и сомнительно, уменьшатся даже объемы производства тех или иных товаров. Некоторые «business schools» недосчитаются какого-то числа лиц, готовых платить за будущие места «капитанов» делового мира. Тех, кто учит будущих ученых, врачей, инженеров хоть в государственных, хоть в частных университетах, это никак не затронет.

Экономика, не удовлетворяющая базисные потребности человека, к которым относятся потребности в безопасности, воспитании потомства, в ценностных ориентирах, просто лишена смысла. Сами страны Запада сталкиваются сегодня с разрушительными последствиями нерегулируемого рынка. Даже если не принимать во внимание сегодняшний финансовый кризис, можно задаться вопросом о рациональности той глобализации, модель которой навязывалась всему миру в последние два десятилетия. «Утверждение, что рабочие и служащие в странах Запада должны или могут приспособиться к глобальному рынку труда, где их конкуренты получают в десять раз меньшую зарплату — не из тех, что привлекают своим согласием со здравым смыслом или политической мудростью»¹³. В том случае, если пришествие «плоского мира» следует считать неизбежным, встает вопрос о том, каким должно стать образование в странах, которые хотели бы оставить за собой в основном наукоемкие производства. Пока что ни в США, ни, тем более, в Западной Европе система образования не содействует указанной цели — превращению этих стран в лаборатории всего мира¹⁴. Скорее, она становится серьезным препятствием. Западная цивилизация отличается от всех прочих тем, что она сделала ставку на науку, технику и промышленность, а потому не приходится говорить о том, что «проект Модерн» завершился или устарел. Университет является важнейшей составной частью этого проекта не только потому, что в нем совершаются научные открытия; он создает рационально мыслящих и эффективно действующих людей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Конн-Спонвилль А., Ферри Л. Мудрость современности. — М.: РУДН, 2009. — С. 452.

² Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. — М.: РОССПЭН, 2000. — С. 265 — 266.

³ Арендт Х. Vita active, или О деятельной жизни. — СПб., 2000. — С. 157.

⁴ Я имею в виду недавно переведенную у нас книгу Б. Ритгинса «Университет в руинах» (М., 2010), в которой связанному с национальным государством университету Культуры противопоставляется глобализированный университет Совершенства (excellence). Проблема, поставленная в этой книге, относится к актуальным, но средства для ее решения избраны в ней явно неудачные. Книгу стоило бы озаглавить «руины постмодерного дискурса».

⁵ *Элиот Т.* Избранное: Религия, культура, литература. – М., 2004. – С. 175.

⁶ *Belknap R.L., R.Kuhns R.* Tradition and Innovation. General Education and the Reintegration of the University. A Columbia Report. – N. Y., 1977. – P. 28.

⁷ Гартман Н. Этика. – СПб., 2002. – С. 409.

⁸ Цицерон. Об обязанностях. XLIII. 153.

⁹ Там же. VI. 18 – 19.

¹⁰ *Comte-Sponville A.* Petit traité des grandes valeurs. – Paris, 1995. – P. 48 – 49.

¹¹ *Мачадо А.* Избранное. – М., 1975. – С. 256.

¹² Цицерон. Речи. В 2 т. Т. II. – М.: Наука, 1962. – С. 39.

¹³ *Грей Дж.* Поминки по Просвещению. – М., 2003. – С. 224.

¹⁴ Этой проблеме посвящена одна из глав книги Т. Фридмана, который ввел само выражение «плоский мир». Хотя широкое распространение эта книга получила именно потому, что Фридман является апологетом глобализации, следует отметить, что нынешнюю систему образования США он подвергает самой жесткой критике. По оценке цитируемых им экспертов китайцы достигнут американского уровня подготовки инженеров примерно через десять лет, причем количество их будет расти, тогда как в США число выпускаемых естествоиспытателей и инженеров уменьшается. Он ссылается на доклад Национального Научного Совета США (2004): «Количество рабочих мест в экономике США, требующего научного и инженерного образования, будет расти; количество граждан США, подготовленных для работы на этих рабочих местах, в лучшем случае останется неизменным; наплыв же иммигрантов, имеющих научное и инженерное образование будет сокращаться, как вследствие усиления ограничений, накладываемых службами безопасности США, так и вследствие глобальной конкуренции, существующей между представителями этих профессий» (*Friedman Th.L.* The World is Flat. – N. Y., 2006. – P. 114.).

Аннотация

Эффективность образования не сводится к экономическому выигрышу для окончившего университет индивида. Она не исчерпывается и тем, что общество получает необходимых специалистов. Университет эффективен, поскольку создает эффективных людей. Эффективность представляет собой добродетель, она соотносится с такими кардинальными добродетелями, как благоразумие и воздержность.

Ключевые слова:

человеческий капитал, норма отдачи высшего образования, эффективность, целерациональность, добродетель.

Summary

The effectiveness of higher school cannot be reduced to economical utility for individuum, who had paid for his studies. The university is effective, while it prepares effective persons. The effectiveness is a virtue, which depends not only of rationality, but also of such cardinal virtues as sophrosyne and phronesis.

Keywords:

human capital, economical efficiency of higher school, rationality, virtue.